

В. Г. Вовина-Лебедева

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НАЧАЛА XVI ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВ АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ*

Антониево-Сийский монастырь, принадлежавшие ему рукописные сокровища, а также его архив – давно привлекают внимание исследователей древнерусской истории и культуры. Осенью 2020 г. в Петербурге прошла научная конференция, посвященная 500-летию основания монастыря, которая подвела итоги предшествующему периоду его изучения и показала, что основное внимание ученых сосредоточено, прежде всего, вокруг живописных работ вышедших из круга сийской обители и сийской книжности¹. Между тем монастырь веками главенствовал над округой и в хозяйственном отношении, вбирая море крестьянских документов, прежде всего, частных актов, относившихся как к близлежащей, так и к удаленной местностям².

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ как часть проекта № 075-15-2020-786 «История письма европейской цивилизации»

¹ См., например: *Белова Л. Б., Кукушкина М. В.* К истории изучения и реконструкции рукописного собрания Антониево-Сийской библиотеки // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 154–182; *Рыжова Е. А.* 1) «История» о житии Феодосия Сийского – монастырское сочинение XVII века (к вопросу о форме севернорусской агиографии) // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой России. 27–29 августа 2000. Ярославль, 2000. С. 194–204; 2) Литературное творчество книжников Антониево-Сийского монастыря XVI–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 227–242, 247–264; *Братчикова Е. К.* 1) К истории создания Сийского евангелия XVII в. // ТОДРЛ. 2003. Т. 53. С. 602–613; 2) Сийское евангелие XVII века и живопись Позднего Средневековья // Памятники культуры. Новые открытия. М., 2002. С. 201–223.

² В первой половине XX в. с актами Поморья плодотворно работал А. И. Андреев (см., например: *Андреев А. И.* 1) Отступные грамоты: К истории крестьянского землевладения на севере в XVI в. // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 131–181; 2) Описание актов, хранящихся в Археографической

В Архиве СПбИИ РАН в фонде Антониево-Сийского монастыря сохранилась большая коллекция актов XVI века³. В основном это частные крестьянские акты, и для исследования приемов актового письма северных крестьян они дают разнообразные возможности. Мы отобрали самую раннюю часть грамот, которая датируется временем до начала 1520-х годов. Была поставлена задача выделить акты, написанные непосредственно участниками сделок, изучить их письмо и сравнить с актами, где имена писцов не сопровождались сведениями об их социальном положении (но при этом они не были обозначены дьячками), а затем сопоставить с актами, в которых писцами выступали земские и церковные дьячки.

К исследованию было привлечено 20 актов. Только в двух сийских актах указанного периода писцом выступил участник сделки. В 1502/1503 г. Степан Васильев купил у Василия Остафьева полосу земли на Малом острове с угодьями⁴. Свидетелями выступили «Яков Фодотьев сын да Василей Фодоров сын, да Нефод Мефодьев сын, да Сысой Онтров сын, да Стопан Тимофеев сын, да Иван Онфимов сын, да Иван Васильев сын». Грамота размером 11,5 на 14,7 см, текст 10 на 14 см. Фактически отсутствуют боковые и верхнее поля, имеется лишь небольшое нижнее поле. (Рис. 1). Текст записан полуставом, рукоприкладства на обороте отсутствуют. Имеются выраженные фонетические особенности, отраженные в написании, например, передача слогов «фе», «те», как «фо», «то» и пр. Почерк непрофессионального писца с выраженными особенностями: квадратный характер букв, «и» пишется как «н», «н» как «N», «д», «а» с длинными уходящими вниз ножками, другие буквы с длинными нижними ножками. В тексте грамоты указано, что ее «писал Василей своею рукою».

Еще одна особенность данного акта – использование безличной формулы «се купи», а не более распространенной в дальнейшем «купил есми». В грамоте отсутствует также фраза о покупке «в дернь», типичная для северных купчих, а вместо этого

комиссии Академии Наук СССР // ЛЗАК за 1927–1928 годы. Вып. 35. Л., 1929. С. 233–292). Его ученик, Н. С. Чаев, занимался актами Сийского монастыря (см., например: Чаев Н. С. 1) Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониево-Сийского монастыря в XVI в. // Исторический архив. 1936. № 1. С. 25–65; 2) Из истории вотчинной политики крупного духовного феодала Поморья в XVII в. // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 73. Вып. 8. С. 105–142.). Однако в результате ареста и ссылки А. И. Андреева его интересы переместились к истории Сибири. Второй исследователь погиб в блокадном Ленинграде. В 1950-е годы сийские акты XVII в. из Архива Санкт-Петербургского института истории (СПБИИ, ранее – Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ)) РАН изучал и частично опубликовал Г. Н. Образцов. Акты XVII в. времени патриарха Филарета были опубликованы в 1913 г., акты того же столетия, содержащие договоры монастырских властей с крестьянами – через сорок лет подготовил к изданию Н. Н. Образцов (Акты Сийского монастыря. Вып. 1. Архангельск, 1913; Оброчные и порядные записи Антониево-Сийского монастыря XVI–XVII вв. // Исторический архив. М.; Л., 1953. № 8. С. 80–197).

³ Большинство сийских актов XVI–XVII вв. хранятся в Архиве СПбИИ РАН (Ф. 5). Хозяйственные книги Антониево-Сийского монастыря оказались разделенными между Архивом СПбИИ РАН и РГАДА. О них см.: Вовина-Лебедева В. Г. «Палтосина» и «речной народец»: рыбные богатства Севера и функционирование государства в XVII–XVIII вв. // Освоение Севера: От прошлого к будущему. М., 2021. С. 12–23.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. – Далее номера дел будут указываться в основном тексте в круглых скобках.

сказано о покупке «ввеки» себе и своим детям. В тексте упомянута закладная: видимо, земля была сначала заложена, но выкуп не внесен. По этой же причине упоминается «неустой» – пеня за нарушение обязательства («А неустой Василей в той земли и в той закладной...»). Необычность формулы может быть связана с тем, что грамоту писал не профессиональный писец, в сознании которого имелись готовые фразы, а человек, к составлению такого рода документов не привыкший, или же – носитель иной, не местной традиции оформления купчих, что тоже нельзя исключать.

За год до этого, не ранее 9 марта 1501 г., тот же Василий Остафьев написал «своею рукою» закладную на деревню Тенюховскую, а также пожни и землю (Д. 4). Грамота несколько большая по размеру, если сравнить с Д. 6: 19,6 на 14,7 см, текст 18 на 14,3 см, полей почти нет (Рис. 2). Текст написан полууставом с уже отмеченными особенностями. Использована та же бумага, что и в Д. 6: в Д. 6 видна деталь филигранный «кувшинчик», в Д. 4 филигрань не видна, но ширина столбцов одна и та же (14,7 см), расстояние между линиями понтюзо бумаги одинаковое (3 см). Василий занял у «Фодота Семонова» пять рублей под залог деревни. По условиям закладной в случае невыплаты денег в срок, она считалась купчей. Послухами были шесть человек, в числе которых значился Степан Васильев, которому через год Василий Остафьев продал часть земли на Малом острове

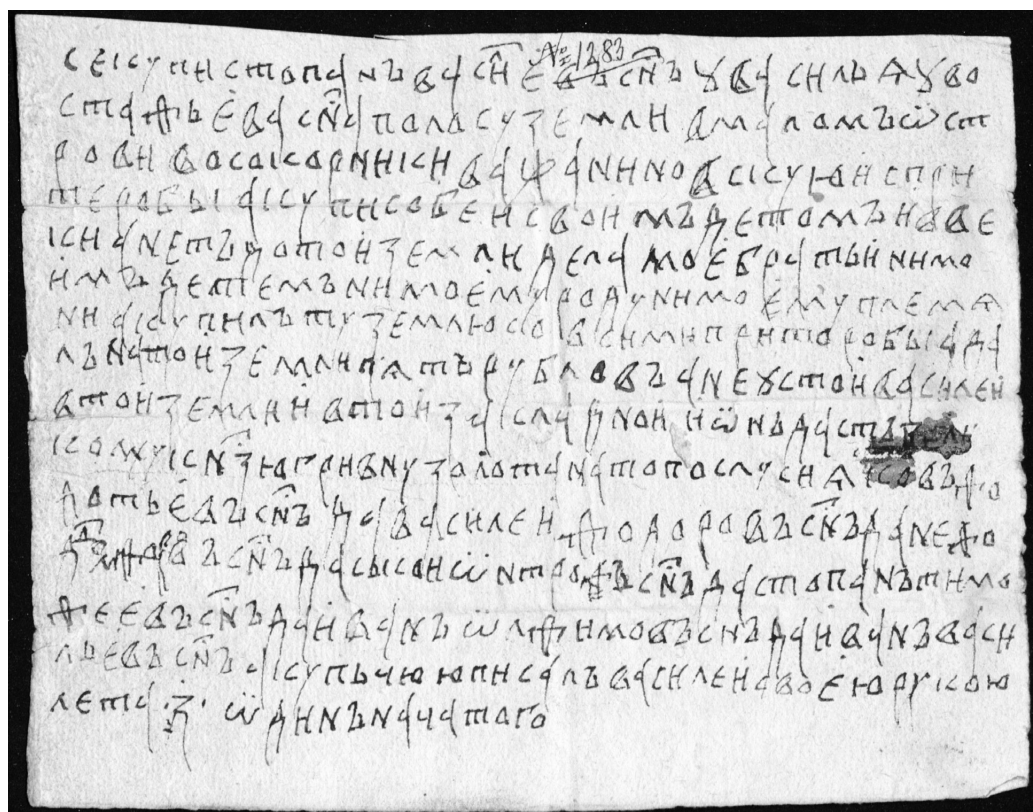

Рис. 1. Грамота о покупке Степаном Васильевым земли, 1502/1503 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6.)

№ 287
СЕА 7264 СЛЕН И СТУ АТЬ ЕВЗСНЪ 7 ЧНА ДЕСТМНЪ
ДО А О П Д СЕМО П О Ч С П А П Т В У Б Л Е ВЪ МО С К О
О С И У О Д Е Н Е Р Д С Р О К 2 П Н М Д А Е М Г Д М Д С И Ч О П Ъ
Р Е Р Е С П О Д М У Ч Е Н Н И Б Д Р О В Е Л Н И С Ч А Н Д Р О С Т В Е С
М Н Е М У 7 Ч П Л П Т В Н П Е Р Е Р А В Д П Т Ъ Х Д Е С Т М Е М У
А Е М Г Ч Х 2 7 Ч Л О Ф Н Л А Р Е Ч Е В Н О П Т Е Н Н Х О В С И У Ю
Н Ч Т В П Е К П Д О Б Ы М В А У Ч Ъ Е М Д Г Р Е Ж Н Л А М Н Х Ф Ш И
П У Р У Н О В Б Р Ч О В Е Л Н И С О М В Ы С Т Р О В Н П О Ф Н А П О Е Ч
Р Е В Н П О Л И А Н Е Ч Ъ П Е Р Е М В Ы С О Р О И 7 О Р Ч А Ч А Р У С К А
П О Ф О Н И С Ч В Н О Х В Ч Н Н И С О Н Ч Н Ч А Б Ъ Е М Ъ Ч А Н О В О З Л Е К В О
Н И С Н У П О Ф Н К А Ч П О Л А С И С Ч Д М Ф Л О М В Ы С Т Р О В Н Р А Ф М А И
З Е М Л И В У Л И Ч И Ч Н А З Л Е С Е Л Ю Г Н И У З Е М Л Ю А Ч А Р У С К
А Н Ч П Л О С И С О М П О Л О С И С Ч Е С И Н Н Р Е Р Е В Н Н В З Л Е С Т Е
П Ч Н Ч Б Р О С И Н Н Ч З Е М Л А Ч П Р Е Т Ъ В А А П О Л О С И С Ч А Ч
А В С У Р А В Е Ю В З Л Е С О Х Н О В У З Е М Л Ю 7 Ч П Н М З Е М Л А
М Н П О Ф Н А М П А Н И С О М Ъ А И Л Е С А Ч Н Е П О С Т П Д Л Ю А З
В С Л Е Н Т Ъ Х Д А Е Н Е Р Д Ч С Р О К 2 П Н М Д А Е М Г Ч А Н Ч А И
И У П Д Ч А Н Ч П У Д Е Р Е В Н Ю Н Ч Т О П О С Л У С И С Т Е П Д Н В Ч
С Н Л В Е В Д С Н 2 Р Ч А Н К А И П О П О В Ъ С Н Ъ П О Д О Р О В З А Ч С О
А О Н 2 С Р Т Е М О В Ъ С М 2 Р Ч И В Ч Н А П Р А И С А П Ъ В О 2 С К 2
Р Ч С Ы С О И И П Т Р О Ф Ъ Е В З С Н В Р Ч К У 7 Ч М И С У Л И Н В С Н 2
7 Ч К Ч Р А У С П И С Ч Л А В Ч Н Л Е И С И С Т И Ч Ф Ъ Е В З С О Е
Н О Р У С О В И Л Е Т Ч . Ж . А Е В А Т О Г О . К И С И З И С Л А П О И
И В А Н П Р О К О И В Ъ П Ъ П О Л Д Р Д И Е В О Т О Р И Л О А И Л Ъ Х

Рис. 2. Закладная грамота на деревню Тенюховскую, 1501 г.
(Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4.)

(Д. 6). Другими послухами были «Пиняй Попов сын Фодоров да Софон Ортемов сын, да Иван Прокопьев сын, да Сысой Онтрофьев сын, да Кузма Микулин сын». Среди перечня имен послухов встречается одно персональное рукоприкладство «А к сей закладной яз Иван Прокопьев сын послух руку свою приложил». Подпись послуха в конце грамоты собственноручная (почерк ее выделяется на фоне основного текста грамоты). После нее стоит знак косога креста. В конце Д. 6 такого знака нет, значит,

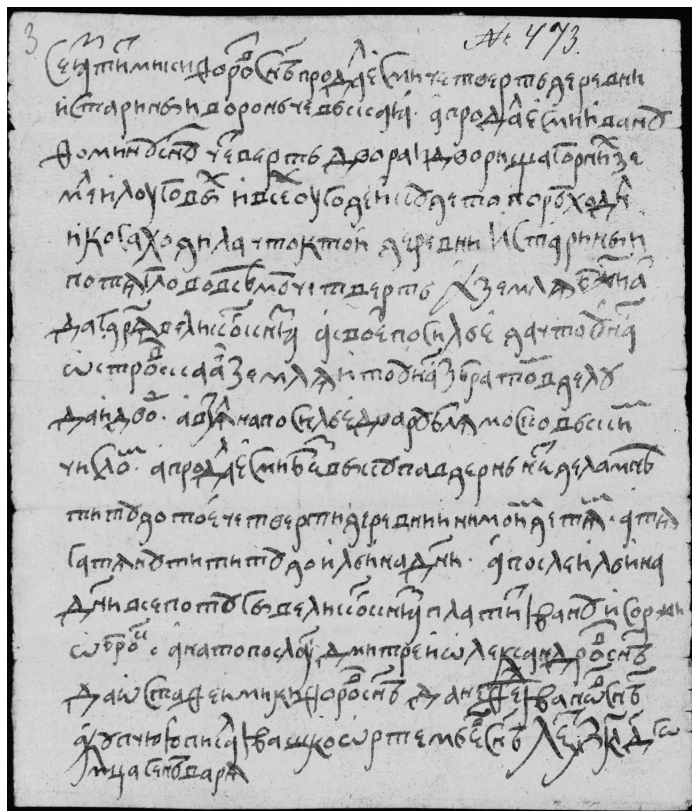

Рис. 3. Купчая продажная Тита Никифорова сына, 1516 г.
(Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 27.)

это был фирменный знак не писца Василия Остафьева, а именно послуха Ивана Прокопьева. Остальные послухи, возможно, были неграмотными. Почерк послуха намного изящнее и увереннее почерка грамоты: в нем налицо округлые линии (которые писцу основного текста грамоты не давались, отчего буквы подчас оставались квадратными), сами буквы мельче, чем в основном тексте. В тексте грамоты нет выносных букв, но они имеются в подписи послуха. Примечательно, что в этой подписи налицо такая же длинная ножка у букв «а» и «р», что и в самой грамоте, писанной Васильем Остафьевым. Можно осторожно предположить, что именно почерк письма Ивана Прокопьева стал образцом для Василия

Остафьева, но последний не мог пользоваться выносными, поскольку это уже был более высокий и, видимо, недоступный ему уровень письма.

Любопытно также, что Василий Остафьев и Степан Васильев были не единственными повторяющимися именами в двух грамотах. В обеих присутствовал один и тот же послух по имени Сысой Онтрофьев сын (в Д. 6 он значится как «Сысой Онтрофьев сын»). Буква «о», с которой начинается вторая часть имени этого послуха, в обоих случаях писалась как «ω» с двумя точками сверху. С такой же буквы писалось и отчество писца «Остафьев». В грамоте 6 над последней буквой имени «Сысой» стоит точка, а в Д. 4 – нет, что показывает неустойчивость навыков письма у писца. Об этом же говорит и написание им своего имени: сначала (в Д. 4) он писал его с буквы «в», то есть как «Востафьев», а затем (в Д. 6) стал писать «Остафьев». Даты писались им

одинаково: в Д. 4 «лета #з одинъначатого», в Д. 6 «лета #з девятого»: то есть, писец обозначал буквенно только тысячи, а остальные числа писал словами, что, видимо, было ему легче.

Выявлено еще 15 грамот за указанный период, в которых писцами выступали лица, род деятельности которых не был обозначен, но которые не являлись при этом участниками сделки. Исходим из предположения, что они не были ни церковными дьячками, как писцы большинства грамот, ни земскими. Если это так, писание было для них, несмотря на грамотность, не повседневным занятием. Имеются две пары грамот, написанных одним и тем же лицом. В случае одной пары это «Ивашко Ортемьев сын». Купчая продажная Тита Никифорова сына на четверть деревни Ворончевской (Д. 27) датируется январем 1516 г. На 1 сставе 15,7 на 18,5 см, текст 14 на 17 см (Рис. 3). Филигрань: змея на кресте типа Лихачев № 4025 (1585 г.), однако совпадают лишь расположение змея и ее опоры, очевидно, что знак из альбома Лихачева – значительно видоизмененный вариант филигрانی грамоты Д. 27⁵ (Рис. 4). Рукоприкладства на обороте отсутствуют. Тит Никифоров сын продал («продал есми») четверть своей старинной деревни с угодьями Ивану

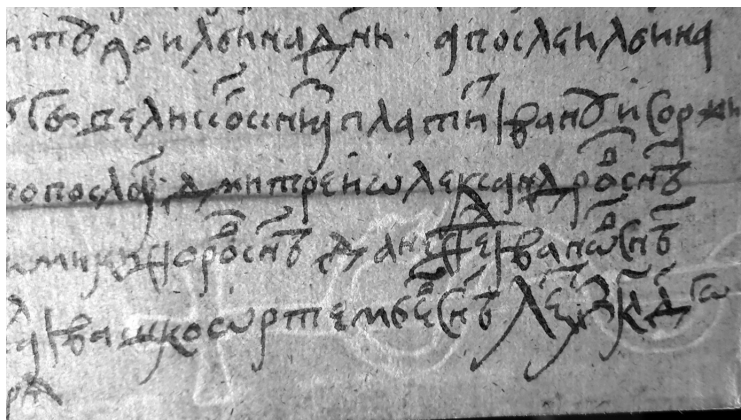

Рис. 4. Купчая продажная Тита Никифорова сына, 1516 г. Фрагмент (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 27.)

Фомину сыну. О земле сообщается, что она «Божия да государя великого князя, а свое посилье» – формула, типичная для тех сийских купчих XVI в., которые А. И. Андреев относил к типу оступных.⁶ Означенное «посилье» было продано за два рубля «в дернь», без права выкупа. Послухами явились Дмитрий Александров сын, Остафий Никифоров сын и Нефед Иванов сын.

В этом же году в августе, то есть через несколько месяцев после составления Д. 27, Ивашка Артемьев стал писцом другой продажной купчей (Д. 28) Максима Нестерова сына на четверть деревни Титовской. Она также занимает 1 сстав, того же размера: 15,7 на 17 см, текст 14 на 15,5 см, филиграней на бумаге нет. Грамоты выглядят полностью идентичными по приемам письма и использования бумаги (Рис. 5): ширина сставов одна и та же, как и расстояние между линиями понтюзо бумаги (3,5 см). Максим Нестеров продал четверть деревни, купленной им у Анфилофья Иванова сына, с угодьями Ивану Фомину сыну за два рубля з гривною, без права выкупа, «в дернь». При этом купчая шла и за отводную грамоту – то есть два этапа продажи сводились к одному. Послухами выступали Никифор Матфеев сын и «Анфилоф Мосеев сын». Послухи грамот

⁵ Likhachev's watermarks. Vol. 1, 2. Amsterdam, 1994.

⁶ Андреев А.И. Отступные грамоты...

Д. 27 и Д. 28, таким образом, не совпадают, но одного и того же человека позвали для написания текста, поэтому можно предположить, что речь идет об одних или близко расположенных местностях. Как определил А. И. Андреев, все северные отступные грамоты касаются преимущественно островов Двинской дельты или волостей по берегам Северной Двины. До настоящего времени сохранилась д. Титовская (в Вельском районе, то есть древнем Вельском стане Важского уезда) на левом берегу р. Вель, притока р. Ваги. Если речь в Д. 28 идет о ней, то и д. Ворончевская должна была находиться в этой же местности, однако, это пока лишь предположение.

Оба текста писаны скорописью, написания букв и все формулы полностью идентичны. Первые фразы, за исключением имен, совпадают, расположение слов в этих местах на листе одинаково. Следующие строки уже разнятся, так как в первом случае речь идет о старинной (наследственной) деревне, а во втором – о купленной. Последние фразы совпадают по содержанию, но несколько различаются по написанию. В Д. 27 в слове «купчюю» используется выносная буква, а над последней «ю» стоит перевернутая «галочка», тогда как в Д. 28 такого знака нет, и «купчюю писал» написано без выносных, хотя для этого пришлось перенести половину слова на следующую строку. И в слове «лета» в Д. 27 последние две буквы выносные, а в Д. 28 – нет. К номеру года в Д. 27 добавлено «го», а в Д. 28 этого нет. Все указанное говорит в пользу того, что приемы написания грамот были у писца недостаточно устойчивыми, хотя, безусловно, он имел более уверенный и близкий к профессиональному почерк, чем почерк писца Д. 4 и Д. 6.

Еще одна пара грамот была написана «Онкудинцем Тарасьевым сыном». Купчая продажная Якова Федотова сына и Самсона Иванова сына на долю в д. Рындинской (Д. 12) датируется временем 1506/1507 г., не позднее Ильина дня (20 июля) (Рис. 6). Это первая из серии грамот, касающихся указанной деревни (см. также Дд. 13, 14, 21, 49). Она занимает 1 сстав, имеет маленький размер 16 на 8,4 см., текст 15,2 на 7 см, правый край грамоты осыпался, филиграней на листе бумаги нет. Рукоприкладств на обороте нет. Полуустав, выносная буква употреблена в одном случае в слове «лет» (выносная «т») в конце купчей. Почерк угловатый, с небольшим наклоном, имеются также особенности в написании некоторых букв, так, буква «д» всегда имеет длинную левую и короткую правую ножку. Один из продавцов будет встречаться в грамотах, о которых шла речь выше и пойдет ниже: Яков Федотьев сын выступает в роли послуха в Д. 6, Д. 14, Д. 20. Вместе с Самсоном Ивановым сыном (оба имели одно фамильное прозвище Говоровы) он продал Федору Давыдову сыну четверть д. Рындинской с двором и угодьями. Послухами были записаны Тит Микитин сын, Мина Кондратьев сын, Мишюк Федоров сын Векшин.

Онкудинец Тарасьев написал еще одну грамоту, которая имеет точную дату 25 мая 1507 г. (Д. 13) и занимает 1 сстав размером 14,7 на 11 см, текст: 14 на 9,7 см. Почерк и все его особенности (включая единственный случай употребления выносной буквы) совпадает с Д. 12, сставы грамот различаются по ширине, но сходны по расстояниям между линиями понтюзо бумаги (3 см). Филиграней на бумаге и рукоприкладств на обороте Д. 13 нет. Грамота касается тех же лиц и той же деревни. Яков Федотьев и Самсон Иванов Говоровы дали запись Никите Вошку с дозволением ему жить «до Николина дни до сенного» в заложенной им за 4 рубля и 4 гривны четверти д. Рындинской. Это запись является документом со стороны займодавца. Послухи были другие, нежели в Д. 12:

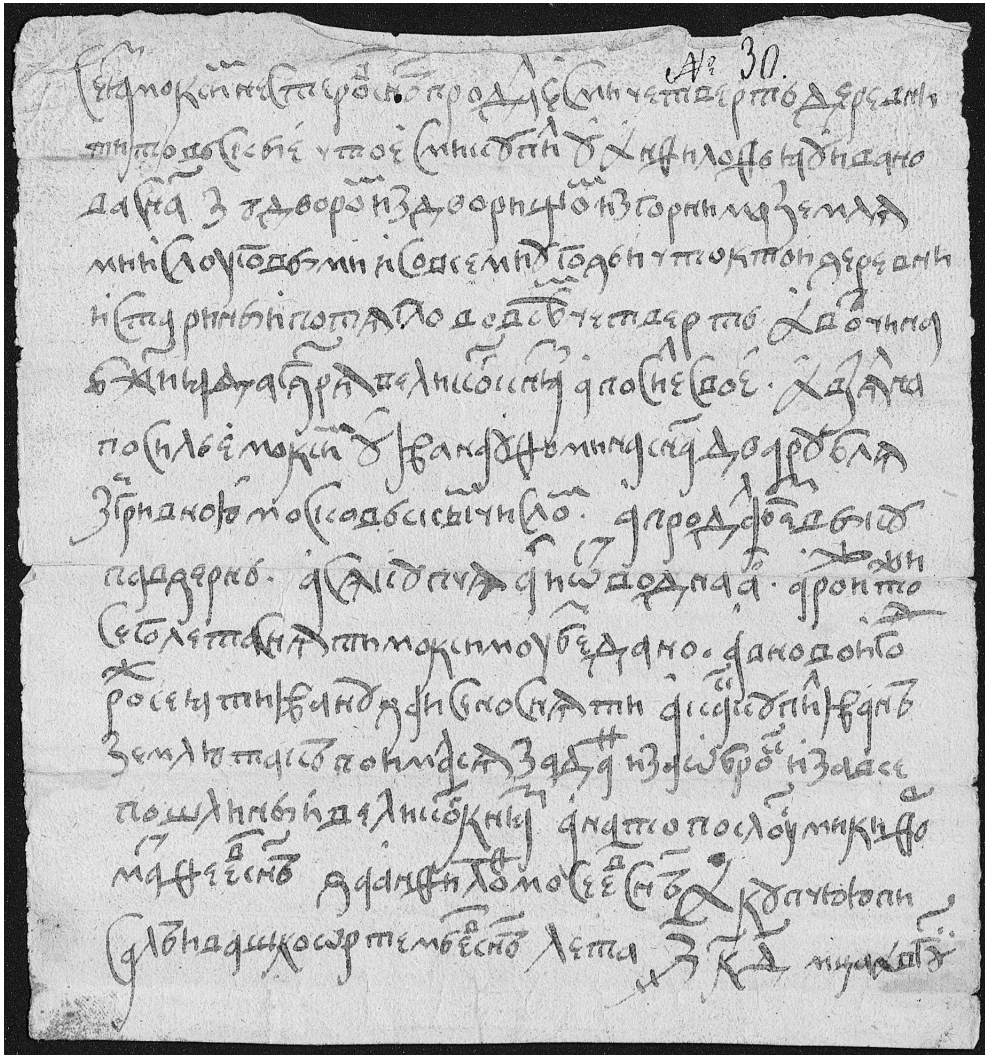

Рис. 5. Продажная купчая Максима Нестерова сына, 1516 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28.)

Федор Федотьев сын Кошей, Иван Федоров сын, Микита Сидоров сын Чермоное. Федор Федотьев Кошей, упоминается в этом же качестве и в Д. 24, где послухом выступает также один из Говоровых Остафий Иванов (предположительно родной брат Самсона Иванова Говорова, тогда как Яков Федотьев Говоров был их родичем).

По условиям заклада в случае неуплаты долга грамота делалась отводной, и закладчик деревни лишался. Очевидно, так и произошло, так как в том же году братья Говоровы продали долю деревни Рындинской. Следовательно, очередность составления документов была следующей: сначала Никита Вошок заложил свою четверть деревни крестьянам Говоровым (Д. 13), долг вернуть в срок не смог, после чего Говоровы сразу же продали эту четверть деревни Федору Давыдову (Д. 12). А спустя два года (1509 г.,

не ранее 18 февраля) Яков Федотьев Говоров выступил послухом при новом закладе д. Рындинской. Мы видим, что одно и то же владение меняло владельцев несколько

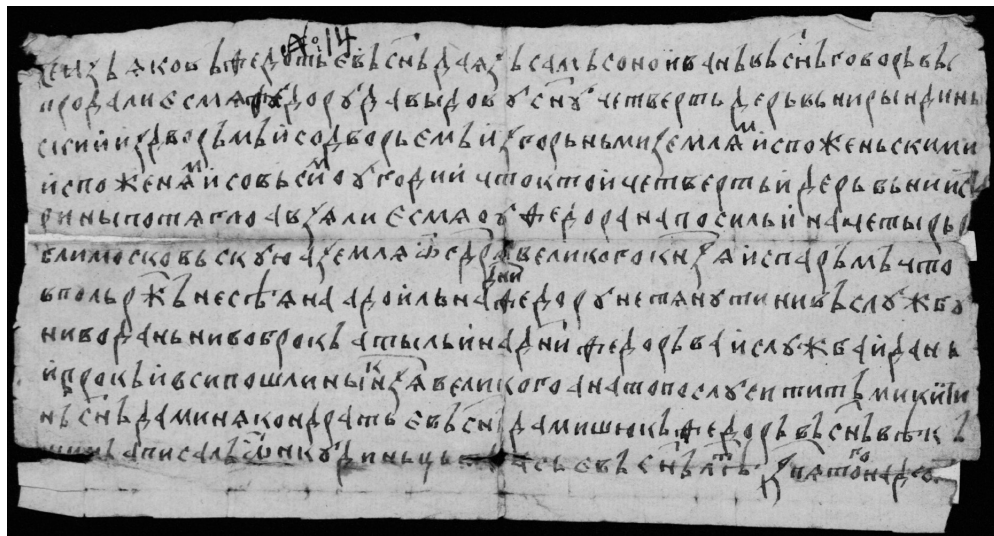

Рис. 6. Грамота Якова Федотова сына и Самсона Иванова сына о продаже земли, 1506/1507 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12.)

раз за короткий срок, и что в послухи позвали того, кто был причастен к истории предыдущей жизни «посилья». Закладная 1509 г. (Д. 14) занимает 1 сстав, размером 24 на 16,5 см, текст: 20,5 на 13,5 см, таким образом, в этой грамоте налицо поля. Филигрань: нижняя часть якоря. Рукоприкладств послухов на обороте нет, но есть рукоприкладство самого Степана Рындина.

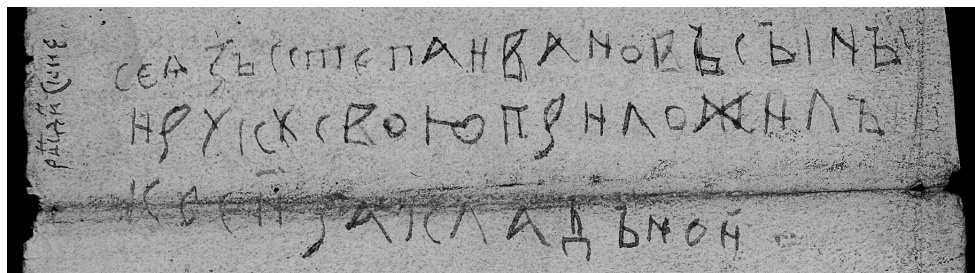

Рис. 7. Запись на обороте закладной грамоты 1509 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14. Фрагмент.)

Видимо, речь шла о другой четверти д. Рындинской, а не о той, которая когда-то принадлежала Никите Вошку, а перешла в итоге Федору Давыдову. Последний просто получил шанс прибрать к рукам остальные части деревни. Степан Иванов Рындин, оставивший на обороте закладной рукоприкладство крупным почерком не привыкшего к письму человека, взял у него займы под залог четверти своей наследственной,

отцовской д. Рындинской шесть рублей. (Рис. 7). Закладная должна была считаться купчей без права выкупа в случае невыплаты долга в срок, что подтвердить должны были «мужи» Яков Федотьев сын, Семен Ермолин сын, Иван Васильев сын Большак, Степан Семенов сын и «Ондреев сын» (имя вставлено поверх строки неразборчиво). Писцом стал Иванец Дементьев, чей социальный статус не указан. Он владел письмом несколько более уверенно, чем авторы грамот Д. 12, Д. 13 и Д. 14, пользовался выносными буквами, но его почерк нельзя, все-таки, считать профессиональным.

Закладная Данила и Акинфия Григорьевых и Василия Данилова Зайца на полдеревни Пониарской (Д. 24), оформленная не ранее 25 декабря 1514 г., помещена на 1 сставе 16, 2 на 22,2 см, текст 14,5 на 19 см. Филигрань бумаги: рука (видна частично). На обороте рукоприкладство послуха Федора Федотьева Кощей: «Да яз Федор Кощей послух руку свою приложил» (Рис. 8). Данила, Анкиф и Василей заняли у Семена Семенова сына пятнатцать рублей от Рожества Христова до Пасхи, заложив половину деревни Пониарской с угодьями. В случае неуплаты в срок закладная становилась одновременно и купчей, и посильной «без выкупа», и отводной. Послухами явились Федор Федотьев сын Кощей, Остафей Иванов сын Говоров, Ермола Григорьев, Гаврило Семенов сын. Закладную писал Ефим Кузмин сын.

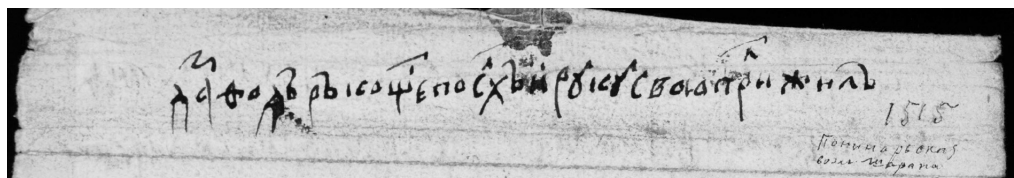

Рис. 8. Запись на обороте закладной грамоты 1509 г.
(Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 24. Фрагмент.)

Сийские акты позволяют проследить смену владельцев в д. Рындинской несколько далее. Сохранилась отводная грамота Никиты Иванова Рындина на четверть деревни (Д. 20) 1512/1513 г.: грамота на 1 сставе, размером 16,5 на 11,5 см, текст 14,9 на 9,5 см, филиграней нет, рукоприкладств на обороте нет. Никита Иванов сын Рындин отвел свою четверть деревни со всеми угодьями Федору Давыдову сыну. При этом присутствовал староста Игнатей Маремьянов сын, а также два доводчика Сенька да Яков Семенов да Офонасьев, кроме них Яков Федотьев сын, Иван Васильев сын, Телепень Окулов сын, Иван Онтуфьев сын, Конан Олексеев сын, Оврам Яков сын «торгован», Федор Иванов сын Броснина. Почерк грамоты – четкий, уверенный полуустав с элементами скорописи. Грамоту писал «дьяк Зык емецкой земьской». Поражает число послухов (10 человек), среди которых находился сотской староста Емецкого стана, два доводчика и «торгован». Присутствовал среди послухов и уже известный нам Яков Федотьев Говоров.

Почти сразу после этого в 1512/1513 г. Федор Давыдов с детьми Михеем и Иваном отступился от д. Рындинской в пользу Данила Нефедьева. В грамоте указано, что речь шла о деревне «на Ваймоге Рындиеньской, што есмя купили оу Рындиных детей оу Ивана, оу Степана и оу Микиты посилье их». Таким образом, мы узнаем, что не только Степан и Никита Ивановы Рындины, но и их брат Иван продали наследственные доли деревни, которые попали к Федору Давыдову. Купчая последнего (называемая в тексте

отступной, поскольку речь шла о «посилье») Данилу Нефедьеву была оформлена в присутствии послухов: «Василей Остафъев сын да Игнатей Матъфеев сын, да Марко Офремов сын, да Филя Окулов сын», грамоту писал церковный дьяк («дьяк

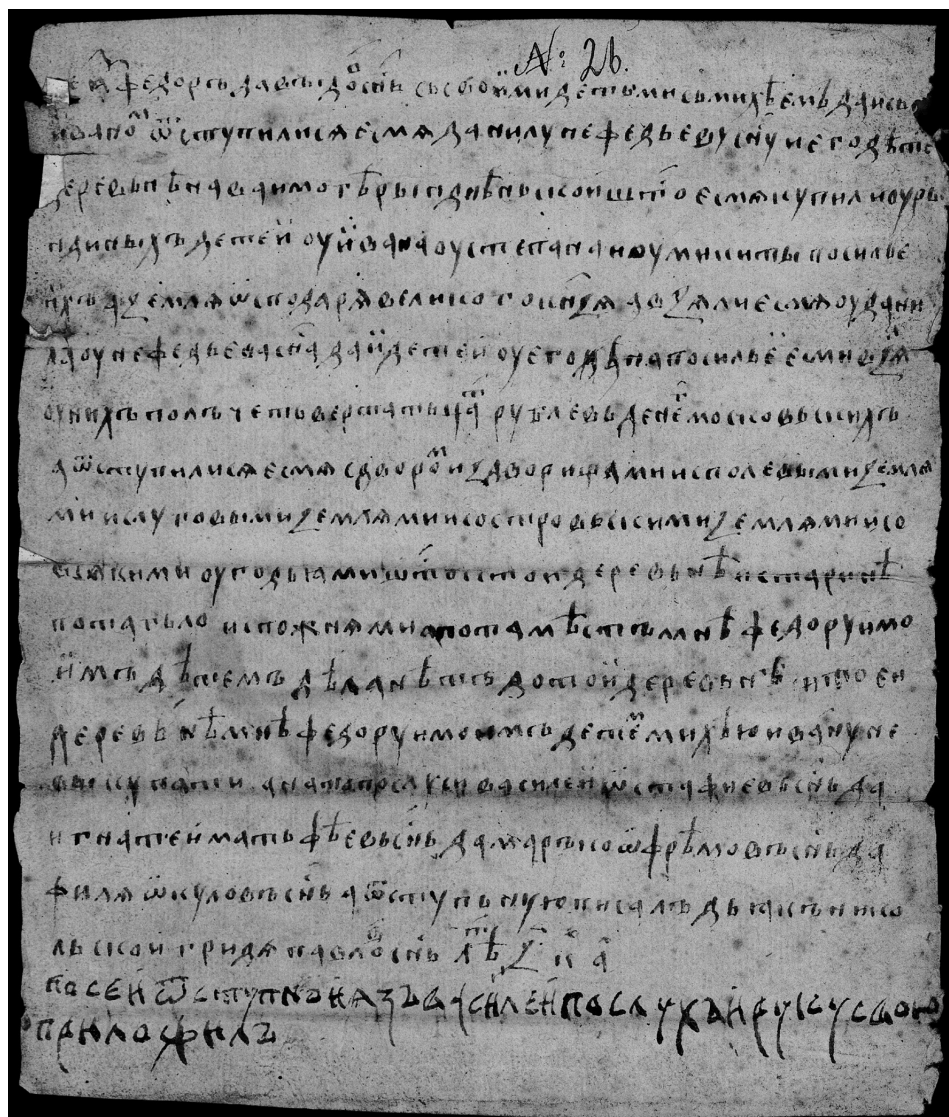

Рис. 9. Грамота 1512 /1513 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 21.)

никольской Гридя Павлов»). О том, что грамоту писал профессионал, свидетельствует гораздо более уверенная рука, привычная к писанию, и ровный почерк полууставом (выносная буква «т» только в слове «лет», напомним, что так же писал не причастный к церковному причту местный грамотный житель Онкудинец Тарасьев). Присутствует

одно рукоприкладство, но не на обороте, а в тексте: «Ко сей отступной яз Василей послух и руку свою приложил». Следовательно, перед нами рука первого из послухов. Предполагаем, что это тот самый Василий Остафьев, который был участниками сделок и одновременно выступил писцом при оформлении двух сийских грамот начала столетия (Д. 4 и Д. 6). Сравнение почерков это подтверждает: перед нами тот же крупный почерк, ставший со временем, возможно, лишь более округлым, но по-прежнему «н» писалось как «*н*», а «*и*» как «*н*» (Рис. 9).

Сохранилась также отводная грамота Федора Давыдова с детьми на д. Рындинскую 1522/1523 г. «*з* трицать перьваго» (семь тысяч тридцать первого) (Д. 49). Судя по содержанию, она должна была быть составлена сразу после отступной, в которой обозначен год «*з*зка», то есть 7021: «Се яз, Федор Давыдов сын, да аз, Мехей, да аз, Иван Федоровы дети, что есмя дали отступную и купьюю на деревню на Рындиньскоую Данилу Нефедову сыну и его сыну Осифу. И яз, Федор и с своима детми с Мехеем да с Ываном по той отступной и купьчей грамоты и отводную грамоту дали». Послухами при отводной стали «мужы посаженья Петр Васильев сын Остафьева, да Иван Тимофеев сын Бобр, да Остафей Иванов Говоров, да Остафей Степанов сын Бросачев». Наиболее интересно то, что одним из послухов выступает Остафий Иванов Говоров – брат известного уже нам Самсона Говорова.

Возможно, в Д. 21 допущена ошибка, и дату следовало обозначить буквами «*з*ла» (7031), а не «*з*ка» (7021). Так или иначе, Д. 21 и Д. 49 явно рисуют нам два связанных между собой этапа одного действия. Грамоту Д. 49 писал «Гаврилец Антонов сын дяк ивановской церковной», то есть лицо, привычное к писанию. Это скоропись, обладавшая индивидуальными чертами: использовалось сочетание «*оу*» (не во всех случаях), у пишется как «*у*», буквы ю, ъ, ѣ, а, и, с и др. — имеют высокие мачты. В конце текста

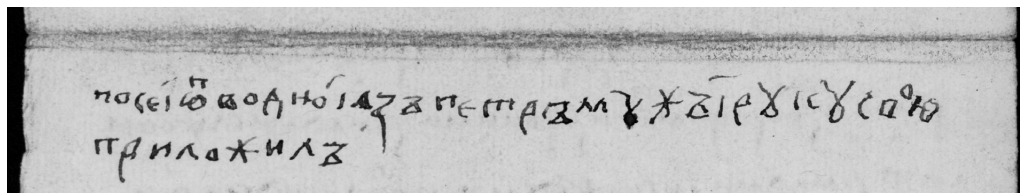

Рис. 10. Запись на обороте закладной грамоты 1509 г.
(Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. Фрагмент.)

стоит знак точки в середине, перечеркнутый чертой. На обороте этой грамоты расположено рукоприкладство послуха с характерным написанием букв «*ж*» в виде звездочки, «*т*» почти как «*п*», а «*п*» как «*г*»: По сей отводной яз Петр мужъ и руку свою приложил (Рис. 10).

Итак, мы видим, как за короткий срок в одно десятилетие деревня (названная именем первых владельцев) ушла в чужие руки, и главным путем этого ухода были денежные займы под залог, и продажа. Деревня Рындинская «на Ваймоге», то есть р. Ваймуте, в Емецком стане, Малый остров, д. Тенюховская, «Чюхчин конец» и другие места, упоминаемые в Д. 4 и Д. 6, находятся в Емецком районе Архангельской области. Речь идет о Чухченемской волости (соседней с Ровдоговской волостью, также упоминаемой в исследуемых актах). В двух случаях грамоты писали церковные дьячки – никольский

дьяк (Д. 21) и дьяк ивановский (Д. 49). Это соответствует локализации места. Здесь располагались Николо-Чухченемский монастырь, Никольская деревянная церковь, известная в Емецком стане в середине XVI в., на Емецком погосте стояла деревянная церковь Рождества Иоанна Предтечи⁷. Таким образом, грамоты 12, 13, 14, 21, 49 составляют единый по своему происхождению комплекс, связанный единой местностью и, предположительно, личностью Василия Остафьева. На это указывает и тот факт, что все означенные грамоты имеют на обороте сбоку надписи мелким почерком «Рындинские». Надписи были сделаны в более позднее время, возможно, уже в Антониево-Сийском монастыре, к которому отошла в конце концов д. Рындинская.

Рассмотрим для сравнения сийские акты, в которых писцы обозначены без указания их социального положения, что дает нам право предполагать в них лиц, не принадлежавших к земским выборным людям или к церковному причту. К кругу тех, кто уже был упомянут в рассмотренных выше емецких актах, принадлежал Никита Вошок. Именно у него братья Говоровы получили за неуплату долга часть д. Рындинской (Д. 13). Но еще в одном акте он упомянут с вариантом написания «Микита Вожок»: сохранилась менная Михея Тимофеева «с Микитою Ивановым сыном Вожком», 24 ноября 1504 г. (Д. 8), 1 сстав 14,5 на 20,5 см, текст 13,7 на 20 см, филигрань – фрагмент буквицы, рукоприкладств на обороте нет, почерк скорописный, довольно уверенный, но некоторые буквы писались слишком размашисто, например, буква «ж». Михей Тимофеев сменялся «деревню на деревню»: четверть деревни Поторочинской, на деревню Нефедовскую (ранее принадлежавшую Никите Вожку с сыном). При этом деревня Поторочинская называется в грамоте с пояснением: «где Рында живав». Рында, упомянутый в грамоте – возможно отец или дед известных нам братьев Рындиных. Не называлась ли д. Поторочинская вследствие этого также Рындинской? И не по ее ли поводу составлялись грамоты 12, 13, 14, 21, 24, 49? Если так, то понятно, откуда у Никиты Вожка оказалась та четверть д. Рындинской, которую он через несколько лет заложил братьям Говоровым. Остается неясным лишь то, откуда у Михея Тимофеева оказалась четверть деревни Рынды, но можно предположить, что она уже ранее была ему продана одним из Рындиных. Так или иначе, но полученная в результате обмена целая деревня ценилась выше променной четверти деревни, поэтому Михей Тимофеев еще добавил Никите Вожку 8 рублей. Послухами стали Павел Петров сын Пигинской, Сысой Онтрофов сын, Парфеней Нефедьев сын, Тимофей Фомин сын Пугвица. Менную писал Андреян Иванов сын.

Самая ранняя из сохранившихся в оригинале сийских купчих — купчая продажная Улиты Игнатъевой дочери на четверть веревки земли на Ваймуге (Д. 2) от 10 мая 1492 г. 1 сстав 16,5 на 12,5, поля минимальные⁸, текст 15,8 на 11,5 см. Филигрань: кувшинчик (видно лишь донце). Почерк неаккуратный, писавший не смог рассчитать, какой текст поместится на бумаге, и нижние 5 строк ему пришлось писать убористей и делать меньше межстрочные промежутки. Особенности написания: надстрочные значки в виде двух точек или галочек над некоторыми гласными. Улита Игнатъева дочь («а Ивановская Климова жена») с дочерьми за 20 алтын продали Семёну Омельянову

⁷ См., например: Акты исторические. СПб., 1841. Т.1. № 211. С. 403–404.

⁸ Отсутствие полей в ранних актах или же их минимальный размер может объясняться как дороговизной бумаги, там и стремлением подражать более ранним пергаменным актам, возможно, хранившимся по домам в северных деревнях, как и те, что были собраны А. А. Шахматовым: Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. Ч. 1, 2.

сыну на Ваймуге четверть веревки земли старинной деревни своего покойного мужа («Климовской») с пожнями, лесом и всеми угодьями, которую она называет «своим посильем». В грамоте объяснялась причина продажи: «потому, што не могли с ней дани платить великого князя, не с службы, ни коих розрубов, ни оброку сыпать» — классическая формула отступной грамоты. Формулировка о продаже «в дернь» без выкупа, или «ввеки» отсутствует, сообщается лишь о том, что «дела нам нет до той деревни по сей день». Свидетелями стали мужи Терентей Онцифоров сын Ширько, Симон Оврамов сын Кузьнец, да Иван Матфеев сын Чонин. Купчую писал некий Труфан, Дементьев сын. Отметим, что эта купчая, как и рассмотренные выше рындинские акты, имеет местом действия Ваймугу.

К этой же местности относится еще один акт, который, правда, несколько выступает за выбранный нами временной период. Это отступная грамота Василия Шарапова Шильникова 6 августа 1527 г. (Д. 81). Василий Шарапов передавал за долг «треть в полудеревни в Дементьевской в Емци». Любопытно, что эта доля передавалась не заимодавцу, а поручителю Тимофею Григорьеву Шеину с сыном. Грамота занимает 1 сстав размером 16 на 13 см, текст 14 на 11 см, филиграней нет, рукоприкладств на обороте нет, почерк неаккуратный, с выраженными индивидуальными чертами, строчки не совсем ровные, в нескольких случаях буквы теснятся друг к другу. Год записан буквой и словами (ѣз тритцать пятого), день только словом. Из текста узнаем следующее: Василий Шарапов признавал, что при выплате оброка великому князю («в великого князя хлеби в сороки рублях с рублом») его поручителем выступил Тимофей Григорьев сын Шеин с сыном, которым теперь он уступал треть от половины своей деревни. Послухами стали Вахромей Иванов сын Онисимов, Григорей Филипов сын Киров, Захарий Степанов сын Игнатьев. Отступную писал Васюк Яковлев сын Солома, известный как писец и других, не только сийских актов.⁹ Сорок рублей — очень большая сумма для того времени. Видимо, именно по этой причине Василий Шарапов нуждался в поручителе.

Остальные документы, о которых пойдет речь, относятся к различным местам Поморья. Еще одна купчая («посильная») (Д. 15), была составлена 27 марта 1509 г. на долю деревни Бубоновской, купленной Василием Антуфьевым у Варфоломея Симанова: 14 на 11,5 см, текст 13,5 на 10 см, полей практически нет. На обороте рукоприкладств нет, почерк — полуустав с элементами скорописи, ровный, уверенный, дата полностью буквенная, в конце трижды повторен знак окончания, видимо, декоративного назначения. Можно предположить, что речь идет о существующей до сих пор д. Бубоновской на Верхней Тойме. В таком случае, это грамота из другого, нежели рындинские акты, комплекса, имевшего отношение к иной местности, но этот вопрос еще требует дополнительной разработки. Василий «Онтуфпанов сын» купил треть д. Бубоновской с угодьями за три рубля в присутствии «людей добрых» Сидора Матфеева сына, Ивана Мамонова сына и Григория Максимова сына. Писцом был Тереха Иванов.

Наиболее ранняя из сохранившихся сийских закладных грамот (Д. 5) датируется 1502 г., не ранее 6 мая. Это закладная Семена и Ивана Микулиных на участки в Шубозере, Макицине и Наволоцких перевесищах. Речь идет о местности в Поважье, вблизи

⁹ Этот писец в 1547 г. 18 марта оформил отступную ухтоостровца Емельяна Спиридонова на полупожни на Мучестрове. См.: Русская историческая библиотека. Т. XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархии. СПб., 1894. Ч. 2. Стлб. 41.

Верхоледской волости. Сохранились подлинник и список XVII в. Интересующий нас подлинник имеет размер 15,5 на 11 см, текст занимает 15 на 9,5 см, полей почти нет, рукоприкладств нет, филиграней нет. Полуустав с элементами скорописи, довольно аккуратный, хотя в одном случае соседние буквы теснятся друг к другу. Год записан буквой и словом («#з десятого»). Братья Микулины заняли у Степана Игнатьева сына пять алтын, заложив ему свои участки земли до Троицына дня. В случае невыплаты долга, данная закладная должна была считаться купчей. Послухами явились Селиван Иванов сын и Иван Степанов сын, писцом – Максим Аврамов.

Закладная Демида Иванова сына Петрова на деревню Кривцовскую на Матигорах (Д. 7) датируется не ранее 14 июня 1503 г., на 1 сставе 16 на 21,5 см, текст 14,5 на 19,5 см. На обороте рукоприкладство: «Яз Иван послух к сей закладной руку свою приложил». В начале грамоты знак креста (с высокой вертикальной и короткой горизонтальной линиями), в конце поставлен крест обычной формы. Грамота написана четким полууставом с элементами скорописи, очевидно, человеком, привыкшим к процессу письма. Демид Иванов сын Петрова занял у Ивана Анисимова сына тридцать рублей на год со дня св. пророка Елисея, заложив свою деревню на Матигорах с дворами, угодьями и пахотной землей, которые принадлежали ранее его брату Нестору Иванову сыну. В случае невыплаты закладная должна была считаться за купчую. Свидетелями выступили сотский Иван Романов сын, Никита Остафьев сын и Иван Анкудинов сын. Писцом стал Алеша Игнатьев. Обратим внимание на то, что сотский староста стал послухом при заключении сделки. Это означает, что участники ее были не рядовыми крестьянами, на что указывает и крупный размер долга – тридцать рублей.

Грамота от 3 мая 1510 г. именуется «данной», хотя речь идет о договоре старосты Селивана Давыдова сына и всех крестьян Юрьевского стана с Остафием Леонтьевым сыном Телятевым относительно пустоши Кошка на Лисострове в Юрьевском стане (Д. 17)¹⁰. Грамота на 1 сставе 15,5 на 20 см, текст 14,8 на 19,4 см, филигранные отсутствуют, рукоприкладств нет. Поля полностью отсутствуют, сстав целиком заполнен текстом, писанным уверенным полууставом, хотя строчки имеют легкий наклон к правому нижнему углу, а буквы слишком широки и, как кажется, недостаточно округлы, если сравнивать с грамотами, писанными церковными дьячками. Дата указана полностью буквами. Крестьяне Юрьевского стана (в грамоте приведен их перечень) во главе со старостой Селиваном Давыдовым дали пустошь Кошку Остафью Левонтьеву сыну Телятева и его детям на два года. Очевидно, пустошь находилась в коллективном владении всех крестьян Юрьевского стана, поэтому потребовалось их общее согласие на эту операцию. Остафий обязался за этот срок поставить на пустоши двор и распахать землю. В случае невыполнения этих обязательств и если Остафий, «землю пахав, пойдет прочь», жители Юрьевского стана должны были взять с него и его детей «за двор» шесть рублей. Оговаривались и условия компенсации в ситуации, если двор был бы поставлен и земля распахана, а Остафья после этого стали бы выживать с участка, хотя земля, как сказано в тексте, давалась Остафью и его детям «ввек». Возможно, это значило, что

¹⁰ В 1602 г. деревня под названием Телячья Кошка (грамота Д. 17 помогает понять происхождение названия) принадлежала уже Антониево-Сийскому монастырю, который получил ее в результате покупки, в 1666 г. по другой порядной записи крестьяне Лисостровской (Лисеостровской) волости подрадились обрабатывать ее в течение 50-ти лет, сохранилась также порядная 1696 г. См.: Оброчные и порядные записи... С. 109, 142–143, 185–186.

Остафий, изначально пришлый, принимался в состав волости. Послухами являлись Григорей Иванов сын Пыхмарев, староста лисостровский (то есть высшее начальство в сравнении со старостой Юрьевского стана), Федор Иванов сын Хандриков, Григорей Софонов сын, Семен Ануфреев сын Горлов. Писцом выступал Харлампейко Семенов, известный как писец и других, не только сийских грамот¹¹. Вероятно, в данном случае мы можем утверждать, что послухи не были местными крестьянами, поскольку последние перечислены в грамоте и представляли одну из сторон сделки.

Последняя грамота, в которой не указано социальное лицо писца – отступная грамота Григория Яковлева сына Киселева. Как мы видели, отступной называлась купчая грамота, если речь в ней шла не о собственности, а о «посилье». По смыслу названия и формул, отступная грамота, как и любая купчая, оформляла отказ бывшего владельца от своих прав. Такова и отступная грамота Григория Яковлева сына Киселева на долю в Кучине наволоке (Д. 25) 1514/1515 г. Кучин наволок – место, находившееся на Налье острове в нижнем Подвинье, упоминается в ряде сийских актов как означенного, так и более позднего времени. Грамота Д. 25 писана полууставом, непрофессиональным, нечетким почерком, плохо разборчивым письмом, на 1 сставе 17 на 11 см, текст 16,5 на 9 см, полей почти нет, филиграней на бумаге и рукоприкладства на обороте нет. Григорий Яковлев сын Киселев отступался в пользу Михаила Максимова сына от земли в Кучине наволоке – своего «посилья», включавшего также двор, двориче, всякие угодыя и промыслы, за полтора рубля «без выкупа». Послухами стали Гурей Пагустов сын и Конан Фомин сын, писцом выступил Васка Антоманов.

Итак, мы рассмотрели сийские грамоты начала XVI в., написанные лицами, о социальном статусе которых нам ничего не известно. Предположительно, это были крестьяне, не связанные земскими должностями и не являвшиеся (не обозначены) церковными дьячками. Если посмотреть рукоприкладства послухов за эти же годы, их имена встречаются в списке лишь в двух случаях (Д. 21 и Д. 49). Рукоприкладства самих участников сделок отсутствуют. Любопытно, что две грамоты с рукоприкладствами были написаны церковными дьячками, что, предположительно, не случайно. Это указывает на начало традиции, которая станет устойчивой во второй половине XVI и в XVII в.

Таким образом, у исследователей появляется возможность сравнить приемы письма волостных крестьян с теми, которые демонстрируют акты местных церковных дьячков и земских дьяков (Д. 20). В двух документах под авторством церковных дьяков и в одном – земского дьяка, рассмотренных выше, мы наблюдаем более высокий уровень письма по сравнению с актами без указания на статус писца. Соответственно, можно наметить ряд уровней актового письма, характерного для Русского Севера XVI в. Представляется, что возможность привлечения сийских актов начала XVI в., созданных земскими (восемь актов) и церковными дьячками (девять актов), хранящихся в составе ф. 5, царских или воеводских грамот, позволит понять, в какой мере эти акты по оформлению и по манерам письма могли использоваться в качестве образцов делопроизводства для населения волостных миров в лице их грамотных представителей. Но это должно быть уже предметом отдельного разыскания.

¹¹ Его имя как писца зафиксировано в 1571 г. в двух отступных 1537 г. и одной 1531 г., текст которых полностью воспроизведен при разборе дела Николаевского Корельского монастыря с местными крестьянами о возврате монастырских владений. См.: Акты юридические. СПб., 1838. № 23. С. 54, 56–57.

Исследования по истории письма до сих пор в большинстве случаев сосредоточены вокруг книжной письменности. Но переписчики книг – всегда профессиональные писцы, а их почерки и приемы касаются лишь ограниченной группы: обитателей монастырей и монастырских скрипториев с их богатыми традициями книжности, великокняжеских и воеводских канцелярий и пр. Анализируя частные акты, хранящиеся в фондах русских монастырей, отделяя те, которые писали местные крестьяне, мы сможем приблизиться к пониманию того, какова была грамотность, приемы и навыки письма самого народа, то есть подавляющего большинства населения Руси, оценить степень грамотности и навыки тех лиц, для которых письмо не являлось привычным, и тем более основным занятием. Мы можем увидеть в прямом смысле слова народное письмо.

Информация о статье

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, как часть проекта № 075-15-2020-786 «История письма европейской цивилизации».

Автор: Вовина-Лебедева, Варвара Гелиевна – доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории, Российская Академия наук, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0003-1465-4139, Scopus ID 26034680300, SPIN-код 9299-9423; e-mail: Varvara_Vovina@mail.ru

Заголовок: Крестьянская письменность начала XVI века: По материалам актов Антониево-Сийского монастыря

Резюме: В Архиве Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук в фонде Антониево-Сийского монастыря сохранилась большая коллекция крестьянских актов XVI века. В основном, это частные крестьянские акты, изучение которых открывает новые перспективы для исследования приемов актового письма северных крестьян. Была поставлена задача выделить акты, написанные непосредственно участниками сделок, изучить их письмо, сравнить с актами, где имена писцов не сопровождалось сведениями об их социальном положении, но нет информации, что они составлены дячками, а затем сопоставить с актами, в которых писцами выступали земские и церковные дячки. Для исследования было отобрано 20 актов, датируемых временем до начала 1520-х годов. Часть из них написана самими участниками сделки, сохранилось большое число записей послухов. Этот материал дает возможность оценить степень грамотности и навыки письма лиц, для которых письмо не являлось привычным или основным занятием. Сравнение стиля и приемов письма, которые демонстрируются актами, созданными простыми людьми и церковными дячками, серьезных отличий в стиле письма не выявило. В этом же архивном фонде присутствуют акты, присланные из воеводской канцелярии и из Москвы. Следует понять, в какой мере эти акты по оформлению и по манерам письма могли восприниматься в качестве образцов делопроизводства для волостных миров в лице их грамотных представителей. Материалы фонда Антониево-Сийского монастыря показывают возможность выстроить многоуровневость актового письма, характерного для Русского Севера в XVI веке. Ученые могут увидеть в прямом смысле слова народное письмо и попытаться ответить на вопрос, как грамотность и владение письмом были связаны с образом жизни и деятельностью населения, с уровнем его благосостояния.

Ключевые слова: Антониево-Сийский монастырь, крестьянские акты, рукоприкладство, источники, актовый материал, письмо

Литература, использованная в статье:

Белова, Людмила Борисовна; Кукушкина, Маргарита Владимировна. К истории изучения и реконструкции рукописного собрания Антониево-Сийской библиотеки // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Ленинград: Наука, 1978. С. 154–182.

Братчикова, Елена Кимовна. К истории создания Сийского евангелия XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург: Издательство «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 53. С. 602–613.

Братчикова, Елена Кимовна. Сийское евангелие XVII века и живопись Позднего Средневековья // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 2001. Москва: Наука, 2002. С. 201–223.

Вовина-Лебедева, Варвара Гелиевна. «Палтосина» и «речной народец»: Рыбные богатства Севера и функционирование государства в XVII–XVIII вв. // Освоение Севера: От прошлого к будущему. Москва: РОССПЭН, 2021. С. 12–23.

Рыжова, Елена Александровна. «История» о житии Феодосия Сийского – монастырское сочинение XVII века (К вопросу о форме севернорусской агиографии) // 200 лет первому изданию «Слова о полку

Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой России, 27–29 августа 2000. Ярославль: А. М. Рутман, 2000. С. 194–204.

Рыжова, Елена Александровна. Литературное творчество книжников Антониево-Сийского монастыря XVI–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. С. 218–264.

Information about the article

The research was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form of subsidies as part of Project No. 075-15-2020-786 “History of writing in European civilization”.

Author: Vovina, Varvara Gelievna – Dr. Sc. in History, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0001-5089-9999, Scopus ID 57194760826, SPIN-kod 3091-7676; e-mail: Varvara_Vovina@mail.ru

Title: Peasant writing of the beginning of the 16th century: Based on the materials of the acts of the Antoniev-Siya Monastery

Summary: The Archive of St. Petersburg Institute of Science of the Russian Academy of Sciences in the fund of the Antoniev-Siya Monastery has preserved a collection of peasant acts of the 16th century. Its value lies in the fact that in some cases the participants in the transaction themselves acted as scribes. This makes it possible to assess the degree of literacy and writing skills of those persons for whom writing was not familiar, and even more so, the main occupation. We can see folk writing, try to answer the question of how literacy and writing skills were connected with the lifestyle and activities of the participant in the transaction, with level of well-being. We also have the opportunity to compare styles and methods of folk writing with those that demonstrate acts where local church «dyachki» acted as scribes. 20 acts were selected for the study, which date to the time before the beginning of the 1520s. In most cases, they showed little difference in writing style compared to peasants. In the same fund there are acts sent from the voivodship office, as well as from Moscow. It should be understood to what extent these acts, in terms of design and manner of writing, could be perceived as models of office work for volost’ worlds in the person of their competent representatives. On the materials of the fund of the Antoniev-Siya Monastery, it is possible to build a number of levels of act writing, characteristic of the Russian North in the 16th century.

Keywords: Anthony-Siysky monastery, peasant acts, witness, signature, scribe, sources studies

References:

Belova, Liudmila Borisovna; Kukushkina, Margarita Vladimirovna. K istorii izucheniya i rekonstruktsii rukopisnogo sobraniya Antoniyevo-Siyskoy biblioteki [On the history of the study and reconstruction of the manuscript collection of the Antoniyev-Siya Library], in *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisnoy i redkoy knigi BAN SSSR*. Leningrad: «Nauka» Publ., 1978. Pp. 154–182. (in Russian).

Bratchikova, Elena Kimovna. K istorii sozdaniya Siyskogo evangeliya XVII v. [On the history of the creation of the Siysk gospel of the 17th century], in *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2003. T. 53. Pp. 602–613. (in Russian).

Bratchikova, Elena Kimovna. Siiskoe evangeliye XVII veka i zhivopis’ Pozdnego Srednevekovya [The Siysk gospel of the 17th century and the painting of the Late Middle Ages], in *Pamiatniki kul’tury: Noveye otkrytiia. Pis’mennost’*. *Iskusstvo. Arkheologiya*: Ezhegodnik 2001. Moscow: «Nauka» Publ., 2002. Pp. 201–223. (in Russian).

Ryzhova, Elena Aleksandrovna. «Istoriia» o zhizni Feodosiia Siiskogo – monastyrskoe sochinenie XVII veka (K voprosu o forme severnorussoi agiografii) [«History» about the life of Theodosius of Siya monastic essay of the 17th century (on the question of the form of northern Russian hagiography)], in *200 let pervomu izdaniyu «Slova o polku Igoreve»*: Materialy ubileinykh chteniy po istorii i kul’ture Drevney i Novoy Rossii. Yaroslavl’: A. M. Rutman Publ., 2000. Pp. 194–204. (in Russian).

Ryzhova, Elena Aleksandrovna. Literaturnoe tvorchestvo knizhnikov Antonievo-Siiskogo monastyrskogo XVI–XVIII vv. [Literary creativity of the scribes of the Antoniev-Siya Monastery of the 16th–18th centuries], in *Knizhnye tsentry Drevney Rusi. Severnoruskiye monastyrskoye*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2001. Pp. 218–264. (in Russian).

Vovina-Lebedeva, Varvara Gelievna. «Paltosina» i «rechnoi narodets»: Rybnye bogatstva Severa i funktsionirovaniye gosudarstva v XVII–XVIII vv. [«Paltosina» and «River Folk»: Fish Resources of the North and the Functioning of the State in the 17th–18th centuries], in *Osvoyeniye Severa: Ot proshlogo k budushchemu*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2021. Pp. 12–23. (in Russian).